

АРХИВ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПЕРЕДЕЛКА ЧЕЛОВЕКА

Л. Выгодский

Лев Семенович
Выготский

Научная психология устанавливает в качестве своего основного положения тот факт, что современный психологический тип человека является продуктом двух эволюционных линий. С одной стороны, современный тип человека сложился в процессе длительной биологической эволюции, в результате которой сложился биологический вид *homo sapiens*, со всеми присущими ему особенностями в смысле строения [строения!] тела, функций отдельных органов и известных, наследственным образом закрепленных и передаваемых из поколения в поколение, форм рефлекторной и инстинктивной деятельности.

Но, вместе с началом общественной и исторической жизни человека, вместе с коренным изменением условий его приспособления, изменился радикальным образом и самый характер дальнейшей эволюции человека.

Насколько можно судить на основа-

нии имеющегося фактического материала, получаемого главным образом на основе сравнения биологического типа примитивных народов, стоящих на первобытных ступенях своего культурного развития, с представителями наиболее культурных человеческих рас, а также насколько позволяет разрешить этот вопрос современная психологическая теория, есть все основания полагать, что биологический тип человека изменился чрезвычайно мало в процессе исторического развития человека. Дело, конечно, не в том, что биологическая эволюция остано-

вилась, и вид “человека” представляет собой устойчивую, неизменную, постоянную величину, но основные законы и основные факторы, направлявшие процесс биологической эволюции отступили на задний план, частью отпали вовсе, частью вошли в качестве свернутых, подчиненных закономерностей в новые и более сложные закономерности, управляющие общественным развитием человека.

В самом деле, борьба за существование и естественный отбор — эти основные двигатели биологической эволюции в животном ряду — теряют свое определяющее значение, как только мы переходим к историческому развитию человека. На их место выступают новые законы, управляющие ходом человеческой истории и охватывающие весь процесс материального и духовного развития человеческого общества.

Так как отдельный человек существует только в качестве общественного человека, в качестве члена той или иной общественной группы, вместе с которой он проходит путь своего исторического развития, то склад его личности, структура его поведения оказываются величиной зависимой от общественной эволюции и определяемой этой последней в своих главнейших моментах. Уже в примитивных обществах, продельвающих только первые шаги на пути своего исторического развития, проступает непосредственная зависимость всего психологического склада личности от развития техники, от степени развития производительных сил и от структуры той общественной группы, к которой принадлежит индивид. Исследования по этнической психологии показали с несомненной ясностью, что оба эти момента, внутренняя зависимость которых установлена теорией исторического материализма, являются определяющими [определяющими!] факторами всей психологии примитивного человека.

По замечанию Плеханова, нигде зависимость сознания от бытия не проступает с такой очевидной и прямой ясностью, как именно в жизни примитивного человека. Эта ясность является результатом того, что моменты, посредствующие между развитием техники и развитием психики, являются чрезвычайно бедными, примитивными, и поэтому эта зависимость проступает почти в обнаженном виде. Гораздо более сложное соотношение этих двух моментов наблюдаем мы в высоко развитом обществе, имеющем сложную классовую структуру. Здесь влияние базиса на психологическую надстройку человека оказывается не непосредственным, а опосредствованным целым рядом очень сложных моментов материального и духовного характера. Но и здесь остается в силе основной закон исторического развития человека, гласящий, что общественная жизнь формирует человека и определяет главнейшие моменты всего склада его личности.

Так как общественная жизнь не представляет собой единого и однородного целого, общество распадается на классы,

АРХИВ

то и склад человеческой личности не представляет собой в каждую историческую эпоху чего-то однородного, единообразного, и психология должна считаться с тем основным фактом, что непосредственным выводом из только-что [только что!] формулированного общего положения является признание классового характера, классовой природы, классовых различий в формулировании человеческого типа. Внутренние противоречия какого-либо общественного строя находят свое выражение и в складе личности, в структуре человеческой психики данной эпохи.

В классических описаниях раннего периода капитализма, Маркс неоднократно останавливается на том изуродовании человеческой природы, которое несет с собой расцвет капиталистической промышленности. Разделение умственного и физического труда, разделение города и деревни, беспощадная эксплуатация [эксплуатация!] детского и женского труда, на одном общественном полюсе — нищета и невозможность свободного и полного развития всех человеческих сил, а на другом — праздность и роскошь, — все это приводит не только к тому, что единый тип человека дифференцируется, распадается на ряд отдельных общественных классовых типов, резко отличающихся друг от друга, но и к тому, что во всех этих различных вариантах человеческого типа уродуется, искажается, получает неправильное, одностороннее развитие человеческая личность.

“С разделением труда, — говорит Энгельс, был разделен и сам человек”. Каждая форма материального производства определяет то или иное общественное разделение труда, говорит по этому поводу Д. Рязанов, а последнее лежит в основе духовного разделения труда. Со времени разложения первобытного “общества мы констатируем уже выделение целого ряда духовных и организаторских функций в особые виды и подвиды общественного разделения труда”.

Энгельс говорит далее: «Уже первое большое разделение труда, отделение города от деревни осудило сельское население на тысячелетия долгого отупения, а горожан на порабощение каждого его особенной работой. Оно уничтожило основу духовного развития первых и физического — вторых. Если крестьянин владеет землей, а ремесленник ремеслом, то и земля не в меньшей степени господствует над крестьянином, а ремесло — над ремесленником. С разделением труда был разделен и сам человек. Развитию одной какой-нибудь деятельности приносятся в жертву все другие физические и духовные способности.

Это калечение человека растет в такой же степени, как и разделение труда, которое достигает своей высшей ступени в мануфактуре. Последняя разлагает ремесло на отдельные его частичные функции и каждую из них отводит особому рабочему, как жизненное призвание, приковывая его таким образом

на всю жизнь к определенной частичной функции, к определенному орудю труда...

И не только рабочие, но также эксплуатирующие [эксплуатирующие!] их прямо или косвенно классы, благодаря разделению труда, поработаются орудиями своей деятельности: пошлый буржуа — своим собственным капиталом и своей жадной прибылью; адвокат — своими закостеневшими юридическими представлениями, которые господствуют над ним, как самостоятельная сила; “образованные классы” вообще — своей специальной ограниченностью и односторонностью, своей физической недостаточностью и духовной близорукостью. Они искалечены воспитанием, приноровленным к такой специальности, хотя бы она состояла в ничегонеделании».

Это говорит Энгельс в “Анти-Дюринге”. Мы должны исходить из того основного положения, что умственное производство определяется формой материального производства. “Так, например, капитализму соответствует другая форма духовного производства, чем средневековому способу производства. Каждой определенной исторической форме материального производства соответствует своя форма духовного производства, а это означает, в свою очередь, что психология человека, являющаяся непосредственным аппаратом этого умственного производства, приобретает свою специфическую форму на каждой определенной ступени развития[”]. То калечение человека, то одностороннее и уродливое развитие отдельных его способностей, о котором говорит Энгельс, и которое началось вместе с разделением города и деревни, усиливается в огромной степени благодаря влиянию технического разделения труда.

Энгельс говорит: “Все те познания, понимание и воля, которые развивают в себе самостоятельно крестьянин или ремесленник, хотя бы и в малом масштабе, — подобно тому, как дикарь все военное искусство воплощает в приемах своей личной хитрости, — все это в мануфактуре требуется лишь от мастерской в целом. Духовные силы производства на одной стороне расширяют свой масштаб именно потому, что на многих других сторонах они исчезают совершенно. То, что теряют частичные рабочие, сосредоточивается в противовес им в капитале. Мануфактурное разделение труда приводит к тому, что духовные силы материального процесса производства противостоят рабочим, как чужая собственность и поработашающая их сила. Этот процесс отделения начинается с простой кооперации, где капиталист по отношению к отдельному рабочему представляет собой единство и волю общественно-трудового тела. Он развивается далее в мануфактуре, низводящей рабочего до степени частичного рабочего. Он завершается в крупной промышленности, которая отделяет от рабочего науку, как самостоятельную силу производства, и заставляет ее служить капиталу”.

В результате прогресса капитализма расцвет материального производства одновременно означал все прогрессирующее раз-

АРХИВ

деление труда и все усиливающееся уродливое развитие человеческих способностей. Если “в мануфактурном” ремесле рабочий заставляет орудия служить себе, на фабрике он служит машине. Там движение орудия труда исходит от него, здесь он должен следовать за его движением, — говорит Маркс. Рабочие превращаются в “живые придатки машины”, возникает то “унылое однообразие бесконечной муки труда”, о котором говорит Маркс, как об отличительной особенности того периода в развитии капитализма, который он описывает. Прикрепление рабочего к определенной функции превращает, по словам Маркса, “рабочего в урода, искусственно культивируя в нем одну только специальную способность и подавляя весь остальной мир производительных задатков и дарований”.

Особенно жуткую картину уродования психологического развития человека представляет собой детский труд в эту эпоху. Чрезвычайное упрощение отдельных функций, выполняемых рабочими, позволяет, в погоне за дешевым трудом, вовлекать в производство детские массы, в результате чего происходит задержка и одностороннее, уродливое развитие в самом решающем возрасте, когда складывается личность человека. Классическая работа Маркса полна примерами “умственного одичания”, “физической и интеллектуальной деградации”, “превращения незрелого” человека в машину для фабрикации прибавочной ценности, и дает живую картину всего того процесса, который приводит к тому, что “рабочий существует для процесса производства, а не процесс производства для рабочего”.

Однако, все эти отрицательные моменты не определяют полностью тех влияний на процесс человеческого развития, которые заключены в быстром прогрессе производства. Все эти отрицательные влияния заключены не в самом по себе крупном производстве, а в его капиталистической организации, построенной на эксплуатации [эксплуатации!] огромных масс населения и приводящей к тому, что каждый новый шаг к победе человека над природой, каждая новая ступень в развитии производительных сил общества, не поднимают на высшую ступень человечество в целом и тип каждого отдельного человека, а приводили, наоборот, все к более и более глубокой деградации человеческой личности и возможностей ее развития.

Философы типа Руссо и Толстого, наблюдая калечение человека в процессе прогрессирующей цивилизации, не видели иного выхода из положения, кроме возвращения назад к цельной и чистой человеческой природе. Как говорил Толстой, наш идеал — не впереди, а позади. В этом смысле примитивные эпохи в развитии человеческого общества представлялись с точки зрения этого реакционного романтизма, тем идеалом, к которому должно стремиться человечество. На самом деле, глубокое изучение экономических и исторических тенденций,

управляющих развитием капитализма, показывает, что то калечение человеческой природы, о котором мы говорили выше, заложено не только в самом по себе факте роста крупного производства, а в специфической капиталистической форме организации общества.

Величайшее и основное противоречие всего этого общественного строя заключается в том, что внутри его [него!] самого с железной необходимостью зреют силы, создаются предпосылки для его уничтожения и замены новым строем, основанным на отсутствии эксплуатации [эксплуатации!] человека человеком. Маркс неоднократно показывает, как сам по себе труд, само по себе крупное производство не только не содержит в себе необходимости калечения человеческой природы, как полагал какой-нибудь последователь Руссо или Толстого, но наоборот, содержит в себе бесконечные возможности развития человеческой личности.

“Из фабричной системы, как можно проследить в деталях у Роберта Оуэна, — говорит он, — вырос зародыш воспитания будущего, которое для всех детей с известного возраста соединит производительный труд с обучением и гимнастикой, причем это будет не только методом повышения общественного производства, но и единственным методом создания всесторонне развитых людей”. Таким образом, участие детей в производстве, являющееся при капиталистической системе, особенно в определенный период, развития капитализма, источником физической и интеллектуальной деградации, само в себе содержит зародыш воспитания будущего и может явиться высшей формой создания нового типа человека. Сам по себе рост крупного производства приводит к необходимости выработки нового типа человеческого труда и нового типа человека, способного выполнять эти новые формы трудовой деятельности. “Природа крупной промышленности обуславливает перемену труда; постоянную смену функций и всестороннюю подвижность рабочего[”] — говорит Маркс. “Превращенный в дробь индивидуум [индивидуум!], простой носитель частичной общественной функции, должен быть заменен целостно и всесторонне развитым индивидуом, для которого различные общественные функции являются сменяющимися друг друга формами приложения его деятельности”.

Мы видим, таким образом, не только то, что соединение производительного труда с обучением является средством создания всесторонне развитых людей, но и то, что тот тип человека, который требуется высоко развитым производством, существенно отличается от того типа человека, который создавался производством в раннюю эпоху капиталистического развития. Конец капиталистического периода в этом отношении представляет разительную антитезу его началу. Если вначале индивидуум [индивидуум!] превращался в дробь, в исполнителя частичной функции, в живой придаток машины,

АРХИВ

то к концу сами потребности производства требуют всесторонне развитого, подвижного человека, способного изменять формы труда, организовать производственный процесс и управлять им.

Какую бы мы ни взяли частную черту, определяющую психологический тип человека в ранний и поздний периоды развития капитализма, мы везде увидим двойственное значение, двойственный характер каждого решительного момента. То, что при капиталистической форме производства является источником деградации личности, само по себе содержит в себе возможности бесконечного развития личности.

В качестве примера, остановимся в заключение только на вопросе относительно комбинированной работы лиц различного пола и самых различных возрастов. “Это составление комбинированного работой персонала из лиц обоего пола и самого различного возраста,— говорит Маркс,— при соответствующих условиях должно сделаться источником развития человеческой личности”.

Итак, мы видим, что сам по себе рост крупного производства таит в себе возможности развития человеческой личности, и только капиталистическая форма организации производственного процесса приводит к тому, что все эти силы действуют в одностороннем, уродливом, подавляющем развитие личности направлении.

Маркс говорит, в одной из ранних работ, что если психология хочет стать действительно содержательной реальной наукой, она должна уметь прочитать книгу истории материальной промышленности, в которой воплощены, “опредмечены сущностные силы человека”, которая сама является конкретным воплощением человеческой психологии. Вся внутренняя [внутренняя!] трагедия капитализма и заключается в том, что в то время, как эта опредмеченная, т.е. заключенная в вещах, психология человека, содержащая в себе бесконечные возможности его господства над природой и развития его собственной природы, росла с стремительной быстротой, его конкретная духовная жизнь деградировала и проделывала тот процесс, который Энгельс образно называет калечением человека.

Но, все существо дела заключается в том, что это двойственное влияние факторов крупного производства на развитие человеческой личности, это внутреннее противоречие капиталистической системы, не может получить своего разрешения без уничтожения самой капиталистической системы организации производства. В этом смысле названное нами частичное противоречие между растущим могуществом человека и параллельно [параллельно!] растущей его деградацией, между растущим его господством над природой и свободой с одной стороны, и рабством, растущей зависимостью от вещей, им же созданных, с другой, — это противоречие, повторяем, являет-

ся только частью гораздо более общего и всеохватывающего противоречия, лежащего в основе всей капиталистической системы. Это общее противоречие между развитием производительных сил и несоответствующим этому уровню развития производительных сил, общественным строем и разрешается социалистической революцией, переходом к новому общественному строю, к новым формам организации общественных отношений.

Вместе с этим, неизбежно должно произойти и изменение человеческой личности, переделка самого человека. Эта переделка в основном имеет три истока.

Первый из них заключается в самом факте уничтожения капиталистических форм организации и производства и возникающих на их основе форм общественной и духовной жизни человека. Вместе с отмиранием капиталистического строя отпадают, исчезают и уничтожаются все те силы, которые давят на человека, которые приводят к его порабощению машиной, которые мешают его свободному развитию. Вместе с освобождением миллионных человеческих масс от угнетения, происходит и освобождение человеческой личности от сковывающих ее развитие пут. Этот первый исток — освобождение человека.

Второй исток, из которого берет начало эта переделка человека, заключается в том, что вместе с уничтожением старых пут освобождаются и вступают в действие те огромные положительные возможности, которые заключены в крупном производстве, во все растущей власти человека над природой. Все те моменты, о которых мы говорили выше, и ярчайшим примером которых может служить совершенно новая форма воспитания будущего, возникающая из соединения физического и умственного труда, лишаются своего двойственного характера и изменяют в основном направление своего влияния. Если раньше они действовали против человека, то сейчас они начинают действовать за человека. Из препятствий они становятся могучими движущими силами развития человеческой личности.

Наконец, третьим истоком, из которого берет начало переделка человека, является изменение самих общественных [общественных!] отношений между людьми. Меняются отношения между людьми, вместе с ними меняются представления, нормы поведения, требования, вкусы. Личность человека формируется, как показывает психологическое исследование, в основном под воздействием тех общественных отношений, в систему которых она включается с раннего детства. Мое отношение к моей среде формулирует Маркс, — есть мое сознание. Коренное изменение всей системы тех отношений, в которые включается человек, неизбежно приводит и к изменению сознания, к изменению всего поведения человека.

АРХИВ

Центральную роль в переделке человека должно сыграть воспитание,— этот путь сознательного общественного формирования новых поколений, основная форма смены исторического типа человека. Новые поколения и новые формы их воспитания являются главным трактом, по которому пойдет история, созидая новый тип человека. В этом смысле роль общественного и политехнического воспитания совершенно исключена [исключительна!]. Основные идеи, положенные в основу политехнического воспитания, как раз и заключаются в том, чтобы преодолеть разделение физического и умственного труда, чтобы воссоединить мышление и работу, разорванные в процессе капиталистического развития.

По определению Маркса, политехническое воспитание заключается в знакомстве с общими научными принципами всех производственных процессов и в то же время в выработке у ребенка и подростка практических навыков в обращении с элементарными инструментами всех производств. “Политехническая школа, формулирует эту идею Н. К. Крупская, отличается от профессиональной тем, что центр тяжести в ней лежит в осмысливании трудовых процессов, в развитии умения [умения!] связывать воедино теорию и практику, в умении [умении!] понимать взаимозависимость известных явлений, тогда как в профессиональной школе центр тяжести переносится на вооружение учащихся трудовыми навыками”.

Коллективистичность, соединение умственного и физического труда, изменение отношений между полами, уничтожение разрыва между физическим и умственным развитием,— вот уже сейчас определяющиеся моменты той переделки человека, о которой мы говорим. Результатом завершения, венцом всего этого процесса перестройки человеческой природы должна явиться та высшая свобода человека, о которой говорит Маркс: “Только в коллективности получает индивид средства, дающие ему возможность всестороннего развития задатков; следовательно, только в коллективности возможна личная свобода”. Так же, как человеческое общество в целом, так и личность человека должна проделать тот прыжок из царства необходимости в царство свободы, о котором говорит Энгельс.

Когда говорят о переделке человека, о создании нового, высшего типа человеческой личности и поведения, то при этом неизбежно затрагиваются те представления о новом типе человека, которые связаны с учением Ницше о сверхчеловеке. Исходя из совершенно правильной предпосылки, что развитие не остановилось на человеке, и что современный тип человека представляет собой только мост, только переходную форму к более высокому типу, что развитие не исчерпало себя созданием человека, что современный тип личности не является высшим и последним словом развития. Ницше сделал из этого вывод о том, что в процессе развития возникает новое сущест-

во, сверхчеловек, который будет стоять [стоять!] в таком же отношении к современному человеку, в каком современный человек стоит к обезьяне.

Однако, Ницше представлял себе, что в основе развития этого высшего типа человека, лежит тот же самый закон биологической эволюции, борьбы за существование, отбора путем выживания наиболее приспособленных, который господствует в царстве животных. Поэтому идеал власти, самоутверждение человеческой личности во всей полноте ее инстинктивных сил и стремлений, гордый индивидуализм и выдающиеся единицы, — вот что в представлении Ницше было путем к созданию сверхчеловека.

Ошибкой этой теории является игнорирование того факта, что законы исторической эволюции человека в корне отличаются от законов биологической эволюции, и что коренное различие того и другого процесса заключается в том, что человек эволюционирует и развивается, как историческое, общественное существо. Только поднятие всего человечества на высшую ступень в общественной жизни, только освобождение всего человечества является путем к возникновению нового типа человека.

Однако, это изменение человеческого поведения, изменение человеческой личности неизбежно должно привести к дальнейшей эволюции человека и к переделке биологического типа человека. Человек, борясь со старостью и болезнями, овладевая процессами, определяющими его собственную природу, несомненно, поднимет на высшую ступень и переустроит самую биологическую организацию человеческого существа. Но в том и заключается величайший исторический парадокс человеческого развития, что эта биологическая переделка человеческого типа, совершаемая, главным образом, с помощью науки, общественного воспитания и рационализации всего жизненного строя, явится не предпосылкой, но результатом общественного освобождения человека.

В этом смысле Энгельс говорил, проследивая процесс развития от обезьяны до человека, что труд создал самого человека. С тем же основанием можно было бы сказать, что новые формы труда создают нового человека, и этот новый человек будет только по имени напоминать старого человека “ветхого Адама”, — точно так, как по великолепному выражению Спинозы, пес, лающее животное, напоминает небесное созвездие Пса.

Л. Выгодский
Социалистическая переделка человека